

Роман Сергеевич Кузьмичев

Траектория. От плаца до эффира

Роман Кузьмичев

Траектория. От плаца до эфира

<https://litres.ru/74126612>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга — исповедь военнослужащего, который когда-то сам был мальчишкой в алых погонах. Он прошёл суворовский плац, десантные прыжки, спецназ, командировки в «горячие точки» и боевой эфир, где каждое решение может спасти жизнь. Но главное, что он вынес оттуда, — это не навыки и не награды. Это понимание простой истины: героями не рождаются. Ими становятся, когда рядом есть те, кого нужно защищать.

Роман Кузьмичев пишет не для галочки — он говорит с теми, кто только выбирает свой путь. С суворовцами, которые тоскуют по дому. С юнармейцами, которые учатся держать строй. С педагогами и родителями. Его история — о том, что суворовская закалка остаётся с тобой навсегда. Что страх — это нормально, а трусость — нет. Что воюешь ты не за идею, а за того, кто рядом.

От тверского плаца до запорожских степей, от первой неуклюжей попытки завязать галстук до Георгиевского Креста.

Содержание

Обращение к читателю.	4
Глава 1. Калининское лето	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Роман Кузьмичев

Траектория. От плаца до эфира

Предисловие

Обращение к читателю.

Дорогой читатель.

Ты держишь в руках не просто книгу. Это траектория. Траектория от мальчишки в алых погонах до командира экипажа радиоэлектронной борьбы. От первого суворовского построения до мурала на стене школы. От детской мечты до Георгиевского Креста.

Я пишу эти строки не для того, чтобы рассказать о себе. Я пишу их для тех, кто только выбирает путь. Для суворовцев, которые сегодня сидят за партами и, может быть, тоскуют по дому. Для юнармейцев, которые только учатся держать строй. Для педагогов, которые каждый день вкладывают душу в своих воспитанников. Для родителей, которые провожают сыновей в армию и ждут их возвращения.

Эта книга — о становлении. О том, как обычный ростовский мальчишка прошёл через Тверское суворовское учи-

лице, гражданский вуз, десантно-штурмовую бригаду ВДВ, спецназ, Сирию и выполнение боевых задач. О том, как суворовская закалка помогала выживать и побеждать. О товарищах, которые были рядом. О наставниках, чьи слова до сих пор звучат в сердце.

Но главное — эта книга о том, что герои не рождаются. Героев воспитывают. Воспитывают семья, школа, училище, армия. Воспитывает сама жизнь, если ты готов учиться у неё.

Я до сих пор выполняю задачи. На своём направлении, в своём строю, со своим экипажем. И когда меня спрашивают, что помогает оставаться сильным, я отвечаю словами, которые впервые услышал мальчишкой на тверском плацу:

Жизнь — Родине, честь — никому.

Пусть эта книга станет для тебя не просто историей. Пусть она станет ориентиром. Потому что у каждого из нас своя траектория. Но ценности, которые ведут по ней, — общие.

С уважением,

Роман Кузьмичев

Глава 1. Калининское лето

В Суворовское училище не поступают — в него приходят. Приходят по-разному: кто-то с горящими глазами и романтикой парадов, кто-то настороженно, ещё не понимая, зачем родители привезли его в этот строгий город с высокими заборами. Но почти никто не уходит. Здесь остаются. Здесь начинают расти.

Август 2008 года выдался в Твери особенным. Душным, тревожным и одновременно прозрачным, каким бывает воздух только перед большими переменами. Телевизоры в комнатах отдыха ещё не выключили — офицеры-воспитатели молча стояли у экранов. Где-то далеко на юге горела другая земля, и мы, мальчишки в новеньких, ещё не обмятых погонах, впервые увидели лица своих наставников не парадными, а настоящими. Сосредоточенными. Собранными. Любящими.

— Запомните этот день, — тихо сказал ротный, когда мы выстроились на вечернюю поверку. — Не потому, что он страшный. А потому, что именно сейчас вы поймёте, куда пришли.

Мы стояли в строю и молчали. Рота замерла. И в этой тишине, нарушаемой только далёким гудком электрички, каждый из нас, кажется, впервые ощутил, что погоны — это не украшение. Это обещание.

Утро в Суворовском начинается рано, но августовское утро — особенно. Солнце ещё не успело раскалить плац, а в воздухе уже пахнет скошенной травой с Соминки и свежей побелкой — училище всегда готовят к началу учебного года с особой любовью. Каждое спальное расположение дышит заботой. Длинный светлый зал, разделённый на взводные секции, с высокими окнами, из которых льётся мягкий утренний свет. Ровные ряды кроватей — у каждой своё место, свой номер, своя история. Аккуратно сложенные одеяла, в изголовье — та самая суворовская подушка, квадратная, упругая, к которой ещё нужно привыкнуть. Но привыкаешь быстро, потому что весь взвод рядом. Засыпаешь под тихое дыхание товарищей, просыпаешься от знакомого голоса дневального — и в этом общем ритме есть что-то родное, семейное.

В спальном расположении вечером тихо, только где-то в конце прохода негромко переговариваются офицеры. Этот мягкий гул действует успокаивающе. Ты закрываешь глаза и понимаешь: ты не в гостях. Ты — дома. Пусть этот дом и выглядит строго: никаких лишних вещей на тумбочках, всё по уставу. Но устав здесь — не ярмо, а каркас. На нём держится тот особый уют, который понимаешь не сразу, а спустя месяцы, а то и годы.

У каждого взвода своё лицо. И это лицо создаёт офицер-воспитатель. Наш был человеком удивительной внутренней тишины. Он никогда не повышал голоса — просто

умел так посмотреть, что любой шум мгновенно стихал, будто звук выключили рубильником. Мы сперва даже побаивались этой его особенности, но потом поняли: в ней не угроза, в ней глубина. Человек, который прошёл через такие испытания, о которых нам, мальчишкам, лучше пока не знать, имеет право говорить тихо. Его и так все слышат.

Помню, как однажды после отбоя я долго ворочался, не мог уснуть. В спальном расположении было уже темно, только дежурное освещение мягко подсвечивало пирамиды с оружием у входа да белели подушки на соседних кроватях. Я лежал и думал о доме, о маме, о том, как она там без меня. Думал и, честно скажу, едва сдерживал слёзы. Пятнадцать лет — это возраст, когда уже стыдно плакать, но ещё очень хочется.

И вдруг тихие шаги. Наш офицер обходил расположение, проверяя, все ли спят. Поравнявшись с моей кроватью, он на секунду задержался. Я зажмурился, притворяясь спящим. И почувствовал, как он поправил на мне одеяло — просто взял и заботливо подоткнул край, как это делают родители. Ничего не сказал. Пошёл дальше. А я лежал и думал: вот так, оказывается, выглядит настоящая забота. Без громких фраз. Без лишних вопросов. Просто человек заметил, что тебе неудобно, и поправил одеяло.

На следующее утро всё было уже легче.

Тверское суворовское училище — это ведь не только стены и плац. Это целый мир, в котором есть свои маленькие

радости и свои тихие традиции. Например, чай по вечерам в столовой. Настоящий, горячий, сладкий, с кусочком белого хлеба и маслом. После целого дня занятий, строевой подготовки и самоподготовки этот чай казался нектаром. Мы сидели за длинными столами, уже немного уставшие, но довольные, и пили его мелкими глотками, поглядывая в окна, за которыми медленно гас тверской закат. В такие минуты чувство локтя ощущалось особенно остро. Мы были разными: кто-то бойкий, кто-то застенчивый, кто-то сильный, кто-то ещё только набирался сил. Но здесь, за этим столом, мы были одним целым.

А ещё были праздники. День училища, когда плац превращался в огромную сцену, и мы, чеканя шаг, проходили перед ветеранами, перед родителями, перед городом. Как горели глаза у наших бабушек и дедушек, приехавших из дальних районов! Как гордо расправляли плечи отцы, глядя на своих сыновей в парадных чёрных шинелях! Мы тогда ещё не до конца понимали, что именно мы демонстрируем. Нам казалось — просто идём красиво. Но на самом деле мы показывали главное: традиция жива. Преемственность не прервалась. И эти алые погоны на мальчишеских плечах — не бутафория, а знак принадлежности к великому братству.

Учёба давалась по-разному. Кому-то легко, кому-то трудно. Но здесь было принято помогать. Если ты понял теорему — объясни соседу. Если ты быстрее всех разобрал автомат — покажи тому, кто отстаёт. Это не было показухой, никто

не гнался за баллы и похвалу. Просто в суворовском коллективе почему-то быстро начинаешь понимать: твой личный успех ничего не стоит, если товарищ рядом не справился. Это даже не объясняли специально. Это впитывалось вместе с воздухом спального расположения, вместе с ритмом утренних построений, вместе с тихими вечерними разговорами ни о чём и обо всём.

Наш офицер любил повторять:

— Суворовец, запомни простую вещь. Самое дорогое, что у тебя есть — это не здоровье, не сила, не даже ум. Самое дорогое — это репутация. Она строится годами, а рушится в один миг. Береги честь смолоду — это не просто пословица. Это воинский устав жизни.

И мы берегли. Мы учились отвечать за свои слова. Учились не подводить. Учились просить прощения, если ошибся, и прощать, если ошиблись перед тобой. Всё это происходило исподволь, без нравоучений, через самую ткань суворовской жизни. Огромная роль здесь принадлежала нашим педагогам — учителям-предметникам, которые приходили в классы и вели нас через дебри наук. Среди них были строгие и были мягкие, были молодые и были умудрённые опытом. Но все они относились к нам не как к ученикам, а как к будущим офицерам. И это, пожалуй, самое главное.

Когда учитель математики говорит тебе: «Вы, товарищ суворовец, будущий командир, вам нужно уметь считать не только снаряды, но и риски», — ты вдруг по-другому смот-

ришь на формулы. Они перестают быть абстракцией. Они становятся инструментом.

Когда учитель литературы разбирает с тобой «Войну и мир», он говорит не про XIX век. Он говорит про то, что чувствует человек перед боем. Про то, как князь Андрей смотрит на небо под Аустерлицем. И ты вдруг понимаешь: это ведь не просто книга. Это пособие по душеведению воина. И ты слушаешь уже внимательнее, и строчки запоминаются сами собой, чтобы потом, через много лет, всплыть в самый нужный момент.

Спортзал. Второе дыхание

Отдельная вселенная суворовской жизни — это спорт. Тверское училище всегда славилось своей спортивной подготовкой, и мы, мальчишки, с первых дней попадали в руки настоящих мастеров. Спортзал гудел, как улей, с утра до вечера. Здесь пахло кожей борцовских матов, канифолью и металлом турников.

Рукопашный бой и самбо преподавал офицер, про которого ходили легенды. Он был невысок, сухощав, но когда он выходил на татами, всё пространство вокруг него будто сжималось в тугую пружину. Двигался он мягко, по-кошачьи, и мог одним неуловимым движением уложить на лопатки любого здоровяка. Но главное — он никогда не пользовался силой ради силы. Он учил нас философии боя.

— Рукопашка — это не драка, — говорил он, обводя взглядом строй. — Это разговор. Только короткий и очень

вежливый. Ты не злишься на противника. Ты его читаешь. Понял, куда пошёл вес, — и помог ему туда упасть. Без эмоций. Эмоции — это проигрыш.

Мы осваивали простейшие приёмы: страховку, кувырки, броски через бедро. Падали на жёсткие маты, поднимались, снова падали. Первое время всё болело — спина, руки, даже те мышцы, о существовании которых ты раньше не подозревал. Но через месяц-другой тело вдруг начинало слушаться. Ты уже не просто махал руками, а понимал траекторию. Ты уже не боялся упасть, потому что знал: упасть — это не конец, это начало нового движения.

А ещё был зал для многоборья. Там царил другой культ — культ выносливости. Подтягивания на перекладине, отжимания на брусьях, упражнения с гирями. Всё фиксировалось, всё шло в зачёт. Мы соревновались не столько друг с другом, сколько с самими собой. Вчера подтянулся восемь раз, сегодня — девять. Это маленькая победа, но она твоя, и её никто не отнимет. Офицер по физподготовке, высокий, плечистый, с трубным голосом, который было слышно даже сквозь шум снарядов, любил повторять:

— Спорт — это честность. Гиря не прощает лени. Турник не принимает отговорок. Здесь вы сами кузнецы своего тела. Куйте, пока горячо.

Легкоатлетические эстафеты и немного танца

По весне, когда сходил снег и плац просыхал, наступало время легкоатлетических эстафет. Это было событие, к ко-

торому готовились все роты. Мы бегали по дорожкам стадиона, передавая эстафетную палочку, и трибуны гудели от криков болельщиков. Здесь не было проигравших — каждый, кто добежал до финиша, уже победил. Бег вообще занимал особое место в нашей подготовке. Кроссы вдоль Волги, спринты на короткие дистанции, бег с препятствиями. Нас учили правильно дышать, распределять силы, терпеть, когда кажется, что лёгкие сейчас лопнут. И это тоже была наука — наука преодоления.

А потом в расписании появилось то, чего никто из нас не ожидал, — бальные танцы.

Сначала эта новость вызвала волну смущения. Мы, суворовцы, которые уже считали себя почти бойцами, должны были учиться вальсу? Но командование было мудрым. Нам объяснили просто: офицер должен быть разносторонне развит. Бал — это часть воинской культуры. Умение пригласить даму на танец, держать осанку, двигаться легко и непринуждённо — это то же самое, что и строевой шаг, только с другой эстетикой. И потом — выпускной бал когда-нибудь наступит, и краснеть там не должен никто.

Занятия проходили в актовом зале, где паркет был натёрт до зеркального блеска. Девочек на первых занятиях не было, мы танцевали в парах друг с другом, что поначалу вызывало смешки. Но когда в зал вошла учительница танцев, стройная, с балетной выправкой, смех стих. Она заговорила о ритме, о музыке, о том, что тело может говорить без

слов. И мы, неуклюжие, начали учиться. Раз-два-три, раз-два-три. Вальс, полонез, кадрили. Через месяц занятий мы уже не стеснялись. Мы гордились тем, что можем красиво двигаться. Это было ещё одно открытие: воинская культура — это не только умение воевать, но и умение жить красиво.

Кокошки. Первое поле

Но самое яркое воспоминание первых двух лет учёбы — это, конечно, полевой лагерь «Кокошки». Это место под Тверью, где разворачивался целый учебный полигон. Нас выводили туда летом, и две недели полевого лагеря становились главным событием года. Здесь теория превращалась в практику, а мальчишеские игры — в настоящую мужскую работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.